

На правах рукописи

Красильникова Екатерина Ивановна

**ПАМЯТНЫЕ МЕСТА И КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ
В ГОРОДАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
(конец 1919 – середина 1941 г.)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Омск 2016

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Новосибирский государственный технический университет» на кафедре истории и политологии

Научный консультант:

Зверев Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор.

Официальные оппоненты:

Ларьков Николай Семенович, доктор исторических наук, профессор, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», кафедра истории и документоведения, профессор;

Сизов Сергей Григорьевич, доктор исторических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия», кафедра «Общая экономика и право», профессор;

Суслов Андрей Борисович, доктор исторических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», кафедра Новой и Новейшей истории России, профессор, заведующий кафедрой.

Ведущая организация:

федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого».

Защита состоится «05» июля 2016 г. в 10.00. на заседании диссертационного совета ДМ 212.177.04 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук при федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Омский государственный педагогический университет» по адресу: 644043, г. Омск, ул. Партизанская, 4а, ауд. 319.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Омского государственного педагогического университета (644099, г. Омск, Набережная им. Тухачевского, 14, библиографический отдел; <http://www.omgpi.ru/dissertatsionnye-sovety>).

Автореферат разослан «___» _____ 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

И. И. Кротт

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. С начала XXI в. специалисты в области философии истории говорят о формировании новой парадигмы истории: от изучения «общества» историки часто переходят к изучению «памяти». В настоящее время можно говорить об оформлении проблематики коллективной памяти и в качестве автономной научной субдисциплины. В России тематика, связанная с изучением исторической памяти советского общества, обрела особенную популярность. Этот всплеск интереса происходит на фоне осознания противоречий между «книжной» историей и «живой» поливариантной исторической памятью различных сообществ, а также воздействия государства на историческую память общества посредством политики памяти. Исследование указанной проблематики принципиально важно в перспективе осмысления ценностной и идеологической составляющих исторической памяти современного российского общества, корни которой произрастают, в частности, из 20–30-х гг. XX в.

В Западной Сибири 1920–1930-х гг. был сильно обеднен культурно-исторический ландшафт. Уничтожение памятных мест неизбежно сопровождалось процессами деградации традиционной культуры памяти. Эти проблемы не утратили актуальности и сегодня. Вышесказанное дает основание подчеркнуть также краеведческую значимость данного исследования, его воспитательный и просветительский потенциал.

К настоящему моменту в значительной степени изучен социально-политический и идеологический контексты интересующей нас проблематики, широко разработана тематика, посвященная общественному сознанию населения СССР межвоенных лет, политической культуре этого времени и политическим настроениям в обществе. Кроме того, давно и активно изучаются вопросы некрополистики, исторической эртологии, истории музейного дела и мемориальной культуры в Сибири. Однако попыток комплексного изучения различных коммемораций в историческом контексте на материалах Сибири 20–30-х гг. XX в. до сих пор не предпринималось. Этот вывод является основанием для постановки цели и задач данного исследования.

Цель настоящего исследования – раскрыть динамику основных коммемораций в городах – административных центрах Западной Сибири в условиях становления и развития советской политической системы и связанных с ней контекстов социально-экономической, культурной и повседневной жизни в СССР на этапе между концом 1919 и серединой 1941 г.

Для достижения поставленной цели автору предстояло решить **следующие взаимосвязанные задачи.**

1. Раскрыть содержание и эволюцию историографической традиции в научной рефлексии памятных мест и коммеморативных практик, а также представить аналитический обзор источников, лежащих в основе данного исследования.

2. Дать краткую характеристику основным коммеморациям дореволюционного периода: традициям культуры некрополя городов Западной Сибири, стандартам организации похорон крупных политических деятелей и народным похоронно-поминальным традициям, принципам организации массовых политических праздников, приуроченных к памятным датам, в целом в стране и в Западной Сибири; деятельности городских музеев Западной Сибири, направленной на репрезентацию исторического прошлого в экспозициях и выставках, а также деятельности в сфере охраны местных памятников истории.

3. Установить политические, социально-экономические, а также культурные условия и факторы изменений в коммеморативной сфере культуры городов Западной Сибири межвоенных лет.

4. Выявить содержание советской политики памяти, выраженное в законодательстве, отдельных распоряжениях и высказываниях представителей центральной и местной власти относительно исторического некрополя городов и похоронных практик, бытовавших на уровне частной жизни городского населения; в выборе всесоюзными и местными комиссиями и комитетами отдельных ритуальных элементов массовых праздничных и траурных торжеств; в законодательных инициативах и директивных распоряжениях государственных органов управления музейным делом, направленных на изменение задач экспозиционной, выставочной и памятно-охранительной деятельности краеведческих музеев.

5. Определить и охарактеризовать каналы трансляции государственной политики памяти и особенности ее реализации на практике в городах Западной Сибири.

6. Выявить на материалах Томска, Омска, Новосибирска и Барнаула межвоенных лет основные характеристики традиций в сфере некрокультуры, в массовых торжествах, приуроченных к памятным датам, в подходах к музейным репрезентациям исторического прошлого и в памятно-охранительной деятельности музеев; а также определить и описать динамику этих традиций в исторических условиях периода между Гражданской и Великой Отечественной войнами.

7. Выявить и охарактеризовать советские нововведения (новации) в ритуальной сфере траурных и праздничных коммемораций, в принципах кладбищенского хозяйствования и организации символического пространства некрополя, в подходах к созданию музейных репрезентаций прошлого в рамках выставочно-экспозиционной работы и деятельности, направленной на охрану памятников.

8. Определить варианты отношения населения к разным коммеморативным практикам и памятным местам, а также формы рецепции жителями городов Западной Сибири изменений, происходивших в коммеморативной сфере культуры в период с конца 1919 до середины 1941 г.

Объектом исследования в диссертации являются *основные коммеморации* в городах – административных центрах Западной Сибири: *памятные места* – некрополь, военно-революционные памятники, историко-краеведческие музеи, *коммеморативные практики* – праздничные и похоронно-поминальные, а также *политика памяти*. **Предмет исследования** определяется нами как

историческая динамика коммемораций в межвоенный период в больших городах – административных центрах Западной Сибири.

Территориальные рамки работы ограничиваются пределами четырех городов, имевших статус главных административных центров Западной Сибири: Томска, Омска, Новониколаевска (Новосибирска) и Барнаула. Выбор этих городов объясняется тем, что они представляют собой историческое ядро Западной Сибири, будучи основными центрами культурной, политической и экономической жизни региона. В административном отношении на протяжении всего изучаемого периода эти города оставались в составе Сибири, в отличие, например, от Тюмени, которая уже в 1923 г. вошла в состав Уральской области.

Хронологические рамки работы охватывают главным образом период с конца 1919 до середины 1941 г. В конце 1919 г. в Омске, Томске, Новониколаевске и Барнауле была восстановлена советская власть. Уже к этому времени относятся первые масштабные коммеморации, организованные большевиками. Начавшаяся в 1941 г. Великая Отечественная война привела к постановке новых задач в сфере политики памяти и к изменениям в характере коммемораций. Весь обозначенный период мы условно называем межвоенным. С целью характеристики исходного состояния объекта исследования, пережившего затем в изучаемый период многочисленные трансформации, мы иногда сдвигали нижнюю хронологическую границу, захватывая последние десятилетия имперского периода истории России.

Методология исследования. Диссертация выполнена *в общем контексте так называемого «культурного поворота»*, в настоящее время задающего один из векторов развития историографии политической истории. «Культурный поворот» отразил стремление гуманитариев к познанию «культурного измерения» исторических, социальных и политических реалий.

Базовой методологической опорой диссертации служат работы, подготовленные в рамках направления, известного в зарубежной литературе как *«memory studies» («memory research»)*. Понятийный аппарат «memory studies» обширен и неоднозначен в определениях. Поэтому необходимо объяснить значение и контекст использования основных понятий, применяемых автором диссертации: «социальная память», «историческая память», «коммеморация», «политика памяти».

Еще в 1920-х гг. один из родоначальников «memory studies» М. Хальбвакс (M. Halbwachs) определил *социальную память* как сильно расширенный вариант автобиографической памяти, которая дополнена памятью других членов социальной группы о наиболее значимых для нее событиях. Социальная память – это фактор формирования и поддержания идентичности группы, которая постоянно переосмысляет и «реорганизует» прошлое. Со временем и личная, и коллективная память обогащается историческим прошлым, так формируется именно *историческая память* – гибрид, прежде всего, книжной истории и живой социальной памяти.

Историческая память общества выражается в *коммеморациях* – сознательных социальных актах передачи нравственно, эстетически, мировоззренчески или технологически значимой информации (или актуализации ее) путем увековечения определенных лиц и событий, т. е. введения образов прошлого в пласт современной культуры¹. В рамках данного исследования мы выделяем следующие формы коммемораций: 1) *памятные места* – объекты материальной среды, обжитой человеком, намеренно созданные с целью запечатления, хранения и трансляции коллективной памяти об актуальных для общества исторических событиях и лицах; 2) *коммеморативные практики*, предполагающие целенаправленную, часто стереотипную и ритуализованную деятельность, необходимую для сохранения и трансляции коллективной памяти.

Степень государственного контроля над коммеморативной сферой культуры проявляется в *политике памяти*, т. е. в способах и самих процессах идеологизации прошлого, создания с помощью памяти о нем необходимых власти социальных представлений и национальных символов². В изучаемый период ее акторами выступали политические лидеры (вожди), Коммунистическая партия, местные советские и партийные органы власти, СМИ, Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП (Истпарт) и ее местные бюро, активисты из числа музейщиков, историков и др. Диапазон методов политики памяти был широким.

Из всего многообразия подходов «memory studies» мы избрали в качестве опоры своего исследования *динамически-коммуникативный подход* (М. Шадсон (M. Schudson) и др.), исходящий из того, что память конструируется не только «сверху», правящими элитами, но и «снизу». Учтен также *процессо-реляционный* подход Дж. Олика (J. Olick), предполагающий понимание коммеморации как сложного процесса, зависящего от средств передачи памяти, нарративных и дискурсивных контекстов. В рамках диссертации использован и *междисциплинарный подход*. Будучи историческим, наше исследование в то же время учитывает контексты культурологии, культурной антропологии и музееведения. В числе мобилизованных нами общенаучных и конкретно-исторических методов исследования – анализ и синтез, сравнительно-исторический и историко-генетический методы, методы «устной истории» и традиционные методы *некрополистики*.

Композиция основной части диссертации построена в опоре на сконструированный и апробированный нами *авторский алгоритм изучения* истории коммемораций. Его *первый элемент* – это краткое описание исходного состояния коммеморации в досоветский период. *Второй элемент* – характеристика условий и факторов динамики коммемораций в межвоенный период. *Третий элемент* предполагает определение содержания государственной политики памяти, влиявшей на динамику коммемораций, а также способов и особенно-

¹ Святославский А. С. Среда обитания как среда памяти: к истории отечественной мемориальной культуры: автореф. дис. ... д-ра культурологии. – М., 2012. – С. 1.

² Савельева И. М., Полетаев А. В. Социальные представления о прошлом: типы и механизмы формирования. – М., 2004. – С. 41.

стей реализации на практике этой политики. *Четвертый элемент* – выявление черт преемственности в развитии коммемораций с традицией, сложившейся в культуре дореволюционной России. *Пятый элемент* – характеристика черт новационного, нетрадиционного для культуры дореволюционной России, развития коммемораций. Изменения в коммеморативной сфере порождали в обществе разные оценки, поэтому *шестой элемент* алгоритма предполагает определение особенностей рецепции коммемораций социальной средой.

Теоретическая значимость диссертации обусловлена тем, что она отражает первый опыт комплексной характеристики памятных мест и коммеморативных практик в городах Западной Сибири периода между Гражданской и Великой Отечественной войнами. Автором предлагается алгоритм исследования темы на примере отдельно взятого региона, сконструированный на основе теоретических подходов, направлений и методов, прежде не объединявшихся исследователями для изучения коммемораций определенного периода. Этот алгоритм может быть применен к изучению аналогичных сюжетов на материалах иных регионов и периодов, он также может быть скорректирован путем расширения или сужения объекта исследования в зависимости от целеполагания автора. Теоретическую значимость исследованию придает и использование междисциплинарного подхода, позволившего рассмотреть в одной работе проблематику, традиционно изучаемую в рамках отдельных субдисциплин (политическая и интеллектуальная история, история повседневности, некрополистика, эртология, музееведение).

Научная новизна исследования состоит в том, что до сих пор историками не предпринималось попыток комплексного изучения динамики основных коммемораций в городах – административных центрах Западной Сибири, представленных историческими некрополями, монументами и памятниками, краеведческими музеями, праздничными и траурными коммеморативными практиками. В диссертации характеризуется многообразие советских способов распространения и закрепления в сознании масс стереотипов памяти, оказавших влияние на формирование отечественной политической и духовной культуры. Впервые определяются условия и факторы, влиявшие на динамику коммемораций. Установлены как общие, так и отличительные черты в истории городских некрополей, мемориалов и музеев, указаны типичные и особенные характеристики коммеморативных практик в разных западно-сибирских городах. Доказано, что социокультурные особенности городов, а также нюансы местной духовной жизни отразились на истории некрокультуры, на музейных репрезентациях прошлого, на торжествах, связанных с годовщинами локальных событий периода Гражданской войны, но мало сказались на стандартных траурных и праздничных коммеморациях всесоюзного значения.

Новизна выражена также в определении того, какое место в практиках сохранения памяти играли традиционные и новые (советские) ритуалы и способы организации пространства памятных мест. Подчеркнута устойчивость традиционных форм коммемораций, менявшихся в советское время зачастую лишь

частично и внешне. С другой стороны, в диссертации акцентировано стремление советской власти изменить онтологический смысл коммемораций, изжив религиозную веру в загробную жизнь и изменив распространенное в обществе христианское видение смысла истории. На отдельных примерах показана связанная с этими установками власти деградация традиций.

Новым сюжетом в историографии является и советская политика памяти, нашедшая отражение в городах Западной Сибири. Автором сконструирован и применен в рамках конкретного исследования алгоритм изучения государственной политики памяти, реализовывавшейся в пределах одного региона. Новой проблемой изучения, поставленной автором, является также и рецепция жителями городов Западной Сибири коммемораций межвоенных лет. Нами выявлен спектр разных вариантов отношения представителей общества к динамике коммемораций (негативное восприятие, равнодушное и одобрительное отношение). На отдельных примерах показаны отличия в восприятии коммемораций представителями разных социальных групп.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов при подготовке обобщающих научных трудов, посвященных политической и социокультурной истории России и, в частности, Сибири в первой половине XX в., истории памятных мест, праздничной культуры и некрокультуры России. Диссертация может быть использована для разработки образовательных программ, лекционных курсов, научно-популярных изданий и учебных пособий по истории России и Сибири, истории советской культуры. Результаты исследования могут применяться в целях культурного и образовательного туризма для составления экскурсионных маршрутов по памятным местам городов Западной Сибири. Охарактеризованный в диссертации профессиональный опыт музейных работников Западной Сибири может быть переосмыслен и востребован современными музейщиками в их экспозиционной, выставочной, экскурсионной и лекторской деятельности. Тема исследования может быть также интересна журналистам, занимающимся популяризацией краеведения: авторам телевизионных и радиопередач, сотрудникам газетных и журнальных изданий.

Положения, выносимые автором диссертации на защиту.

1. В историографии сложилась длительная традиция изучения истории коммемораций. При этом в контексте проблематики «memory studies» коммеморации Западной Сибири 1920–1930-х гг. практически не исследовались. Однако для работы в этом направлении сформирован существенный историографический задел и существует обширная база исторических источников.

2. Как в народно-бытовой, так в официально-церковной и официально-государственной сферах культуры дореволюционной Западной Сибири как части России сложились устойчивые формы коммемораций. К числу основных мы относим: 1) кладбища, отражавшие память преимущественно в контекстах религиозных и семейно-родственных ценностей, и музеи, которые предлагали репрезентации исторического прошлого Сибири, основанные на его научном и

аксиологическом осмыслении; 2) регулярно воспроизводившиеся обществом практики, направленные на увековечивание памяти (похороны, поминовение, празднования памятных дат государственного и местного значения).

3. Динамика основных коммемораций в городах – административных центрах Западной Сибири в период между Гражданской и Великой Отечественной войнами имела единую направленность. Она была обусловлена, прежде всего, политическими обстоятельствам и связана с утверждением нового политического режима и идеологической системы, которая предполагала распространение в обществе представлений об историческом процессе в контексте исторического материализма, атеизма и коллективистских ценностей.

4. Главными субъектами советской политики памяти выступали политические лидеры (вожди), Коммунистическая партия, местные советские и партийные органы власти (губкомы, обкомы, горкомы партии, горсоветы), советские СМИ, Истпарт. В отношении разных коммемораций повышалась решающая роль разных субъектов. Содержание советской политики памяти постепенно менялось. На первом этапе (начало 1920-х гг.) акцентировалась «проработка прошлого» на уровне локальных событий и процессов недавней истории. На втором этапе (с середины 1920-х гг.) «мрачные» образы прошлого России и Сибири активно использовались пропагандой с целью оттенить всесторонний прогресс в послереволюционном развитии страны, представление о котором навязывалось обществу. На третьем этапе (с начала 1930-х гг. до войны) из коллективной памяти сибиряков тенденциозно вытеснялись образы локальной истории образами, связанными с общесоветским историческим нарративом.

5. Спектр каналов трансляции государственной политики памяти был представлен: а) массовыми мероприятиями, содержащими коммеморативные элементы; б) мероприятиями, целиком имевшими коммеморативное значение; в) устройством общедоступных памятных мест; г) печатными изданиями идеологического содержания; д) демонстрациями произведений идеологического искусства и народного творчества. Политика памяти предполагала также практики, нацеленные на забвение: замалчивание, игнорирование отдельных тем и разрушение старых памятных мест.

6. Степень соответствия реализации советской политики памяти в регионе ее задачам зависела от активности местных органов власти, отвечавших за организацию и создание коммемораций, их материальных и административных возможностей, а также от реакции местного населения на эти инициативы. Спецификой начала 1920-х гг. было активное формирование в городах Западной Сибири героического некрополя борцов с «колчаковщиной» и обилие мемориальных инициатив. Однако никак не увековечивалась память о многотысячных жертвах Гражданской войны (жертвы тифа, террора и боев). В дальнейшем, вплоть до конца 1930-х гг., тенденции разрушения памятных мест дореволюционного периода превалировали над тенденциями

создания новых мемориальных объектов и обновления памятников, созданных в начале 1920-х гг.

7. На протяжении всего межвоенного периода сохранялась выраженная преемственность в формах коммемораций, характерных для культуры дореволюционного периода. После Гражданской войны традиции официальной коммеморативной культуры фактически использовались властью в идеологических целях и внешне изменялись лишь в деталях.

8. Официальной коммеморативной культуре межвоенного периода был присущ следующий ряд инновационных черт, сопряженных, прежде всего, с ее смыслами. 1) Постоянно усиливалось идеологическое давление на историческую память общества посредством стандартных, регулярных, массовых коммемораций, отражавших марксистско-ленинское понимание истории, материалистические и атеистические мировоззренческие установки. 2) Формировались квазирелигиозные политические культы «вождей», героев и «эпохальных» событий. Перед сибиряками ставилась задача: установить и отразить в местных коммеморациях связь этих культов с историей Сибири. 3) Усиливался радикализм в отношении к памятным местам: их уничтожали или перестраивали.

9. Традиционно обустроенные исторические некрополи городов Западной Сибири, сформированные в дореволюционный период, не расценивались советскими органами власти как объекты культурного наследия. С середины 1920-х гг. началось их постепенное уничтожение во всех городах региона. Но попытки изжить религиозность из культуры некрополя удавались лишь частично.

10. На протяжении всего межвоенного периода политические похороны и массовые прощания с «вождями» занимали одно из центральных мест в культуре коммемораций. В конце Гражданской войны внимание акцентировалось на похоронах жертв «колчаковщины», которые в последующие годы оказались в тени траурных кампаний, приуроченных к смерти «вождей». С начала 1920-х гг. в городах Западной Сибири стали практиковаться салютационные «красные» похороны (они стали особенно популярными в первой половине 30-х гг.) и скромные гражданские («безрелигиозные») похороны. Одновременно многие жители городов оставались верны традиционным религиозным ритуалам, но скрывали эту приверженность по мере усиления антирелигиозной пропаганды.

11. Главными памятными датами в Сибири, как и по всей стране, стали ежегодные Октябрьские торжества и годовщины смерти В. И. Ленина, нацеленные на формирование советской идентичности. Аналогичными в смысле целеполагания и сценариев были юбилеи революции 1905 г. В Сибири также отмечали дни памяти важнейших местных событий периода Гражданской войны. Формы торжеств отвечали дореволюционным образцам. С конца 1920-х гг. местным памятным датам придавалось все меньше значения.

12. Краеведческие музеи Западной Сибири накопили значительный опыт в сфере репрезентаций исторического прошлого, особенно заметный в сравнении с дореволюционным периодом. В 1920-х гг. их инициативы в этом

направлении были связаны с локальной историей и отличались оригинальностью, особенно в Томске. Первая половина 1930-х гг. была крайне неплодотворным периодом, связанным с неудачным экспериментированием в экспозиционном деле. К концу 30-х гг. краеведческие музеи Западной Сибири встали на путь унификации репрезентаций исторического прошлого. История региона стала экспонироваться слабо.

13. Спектр вариантов восприятия жителями городов Западной Сибири динамики коммемораций включает в себя: а) категорическое неприятие советских коммемораций, верность на практике старым коммеморативным традициям; б) внешнюю имитацию приверженности советской коммеморативной культуре при ее реальном отторжении; в) попытки сохранить верность старым коммеморативным традициям и одновременно найти себе место и применение в сфере советской коммеморативной культуры (они характерны только для 20-х гг.); г) позитивное восприятие советских коммемораций, их усвоение и воспроизведение; д) лишь частичное одобрение и неполное усвоение образцов официальной культуры коммемораций при частичном же сохранении верности старым коммеморативным традициям и практикам; е) неполное усвоение ценностей и форм советских коммемораций при забвении старых традиций, приводившее к культурной маргинализации.

14. Реакции населения на коммеморации 1920-х гг. были гораздо вариативнее, чем в следующем десятилетии. С одной стороны, репрессивная политика 1930-х гг. удерживала жителей городов Западной Сибири от критики коммемораций, с другой стороны, пропаганда со временем действительно достигала целей консолидации общества, формирования однотипных представлений и взглядов на прошлое среди населения.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации были представлены автором и обсуждались научным сообществом на 13 международных и всероссийских с международным участием научно-практических конференциях, проходивших в 2010–2015 гг. в Новосибирске, Омске, Пензе, Санкт-Петербурге, Минске и Гродно (Белоруссия); на 14 всероссийских и 4 региональных конференциях. Представлены доклады на заседаниях научных школ в Европейском университете в Санкт-Петербурге (2007 г.), Казанском национально-исследовательском технологическом университете (2012 г.), в Центре независимых социальных исследований (Иркутск, 2014 г.).

По теме диссертации опубликованы авторская монография, две главы в коллективной монографии. Основные результаты исследования также отражены в серии статей, которые публиковались в научных журналах, издающихся в Кемерово, Курске, Новосибирске, Омске, Перми, Санкт-Петербурге, Тамбове и Томске.

Структура диссертации. Диссертация состоит из двух томов. Общий объем первого тома составляет 454 с., он включает введение, пять глав (состоящих из 17 параграфов), заключение. Второй том, общим объемом в 96 с., включает список использованной литературы и источников, приложения (визуальные

материалы: фото памятных мест, похорон, копии страниц газет, отражающих коммеморации межвоенного периода; таблицы, содержащие количественные данные о различных видах похоронных практик в городах Западной Сибири), а также список принятых в диссертации сокращений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во «Введении» к диссертации обоснована актуальность проведенного автором исследования, приводится постановка его цели и задач, объекта и предмета, объясняются хронологические и территориальные рамки, а также методология и методика исследования. Определяются научная новизна, теоретическая и практическая значимость результатов диссертации, формулируются положения, выносимые на защиту, приводятся сведения об апробации результатов работы.

Глава 1 «Изучение основных коммемораций в городах Западной Сибири 1920–1930-х гг.: опыт предшественников и потенциал источников» состоит из двух параграфов.

В первом параграфе «Городские коммеморации Западной Сибири межвоенного времени: историография вопроса» сообщается о том, что проблематика исторической памяти жителей Сибири еще слабо изучена, а коллективная память советских граждан 1920–1930-х гг. исследовалась лишь на отдельных примерах. Однако в изучении смежных тем достигнуты значительные результаты. Имеющуюся историографию вопроса целесообразно разделить на несколько групп по проблемно-тематическому принципу.

Во-первых, в диссертации отмечены исследования, посвященные вопросам динамики исторической памяти советского и российского общества. Отмечается, что впервые проблема определения Сибири как пространства памяти поднята М. Я. Рожанским. Различные вопросы коллективной памяти советских граждан 20–30-х гг. изучались Е. В. Волковым, М. В. Ковалёвым, И. В. Козновой, И. С. Нарским, С. А. Чуйкиной, С. Б. Ульяновой, К. Петроне (K. Petrone). Однако до сих пор эта проблематика еще слабо разработана.

Во-вторых, в диссертации выделяются наиболее значимые работы, посвященные специфике политической системы СССР в период сталинизма, и работы о советской культуре. Концептуальное осмысление исторических процессов в СССР, характерных для 20–30-х гг., до сих пор выстраивается преимущественно вокруг понятия «тоталитаризм», введенного в научный оборот в 1930-х гг. и активно разрабатывавшегося в 1950–1960-х гг. И. А. Ильиным, Х. Арендт (H. Arendt), Р. Ароном (R. Aron), З. Бжезинским (Z. Brzeziński), Р. Такером (R. Tucker), К. Фридрихом (K. Friedrich). «Культурный поворот» в англоязычной историографии способствовал деидеологизации и усложнению представлений историков о сталинизме. Современная наука постепенно отказывается видеть в нем лишь репрессивную сторону. Подчеркивается ориентир тоталитарного государства на массовое сознание и массовые запросы, популизм,

способность улавливать и использовать общественные настроения (Ш. Фицпатрик (Sh. Fitzpatrick) и др.).

В 1920–1930-х гг. власть усердно работала над целенаправленным формированием определенной версии исторической памяти общества. Применительно к межвоенному периоду эта проблематика активно разрабатывается с 2000-х гг. и западными, и российскими историками. В современных работах Н. Е. Копосова и Е. А. Добренко, других авторов приводятся содержательные характеристики политики памяти и исторической политики 20–30-х гг. Установлено, что государственная историческая политика реализуется, главным образом, посредством разных форм пропаганды. Ее содержание, формы выражения и проблемы восприятия населением осмыслены в работах англоязычных историков Дж. Брукса (J. Brooks), П. Кенеза (P. Kenéz), М. Леное (M. Lenoe). Определено, что пропаганда и политика памяти в значительной степени ориентировались на цели социальной мобилизации, характеристики и значение которой определяются в работах С. А. Красильникова, И. С. Кузнецова, Н. С. Ушаковой, Д. Пристланда (D. Pristland), М. Е. Леное и др.

Еще в 1990-х гг. А. В. Голубевым, В. А. Щегорцовым и другими учеными предпринимались попытки комплексной характеристики особенностей советской политической культуры. Оригинальное представление о сталинизме как о культурном явлении было предложено в работах С. Коткина (S. Kotkin). Различные мнения о культурных истоках политического культа Ленина и его месте в советской политической культуре представлены в работах О. В. Великановой, Н. Тумаркин (N. Tumarkin) и Б. Энкер (B. Pietrov-Enker). Проблематика, связанная с приемами и целями «эстетизации политики» в советское время, изучалась Б. И. Колоницким и В. В. Глебкиным. Политическая символика являлась мощным средством воздействия на сознание и эмоции советских людей, это доказано в работах историков, изучающих использование носителями власти советской политической символики и визуальные репрезентации политического (В. Боннелл (V. Bonnell), Ф. Корни (F. Corney), К. Петроне, С. Хэттери (C. Chatterjee) и др.).

В-третьих, мы выделяем литературу, посвященную ключевым событиям в городах Западной Сибири военно-революционных лет, поскольку в 1920–1930-х гг. память общества именно об этих событиях подвергалась жесткой идеологизации со стороны государства. Советская историография этой темы фактически неохватна и сильно зависима от идеологии. Результаты широкого обобщения наработок сибирских историков советского периода по военно-революционной проблематике сначала были представлены в отдельных статьях «Сибирской советской энциклопедии», потом в 3-м и 4-м томах фундаментального коллективного труда «История Сибири с древнейших времен до наших дней», а также в «Истории рабочего класса Сибири». В постсоветский период заметный вклад в изучение событий Первой русской революции в городах Западной Сибири внесли В. П. Зиновьев, М. В. Шиловский и др. Работы В. Л. Кожевина, Н. С. Ларькова, В. Г. Михеенкова, Д. Г. Симонова, Д. Р. Тимербулатова, В. Б. Шепелевой,

В. И. Шишкина, А. И. Шумилова и других авторов, опубликованные в 1990–2010-х гг., расширяют и уточняют представление о событиях и реалиях Гражданской войны в Западной Сибири и об участии в этих событиях разных политических сил.

В-четвертых, мы используем исследования, посвященные политическим, социально-экономическим, повседневным и культурным аспектам истории городов Западной Сибири в 1920–1930-х гг. Масштабы и значение сталинского террора в Сибири отражают работы С. А. Папкова и В. Н. Уйманова. Социальным катаклизмам в жизни Сибири 20–30-х гг. посвящена монография В. С. Познанского. Повседневные условия жизни в сибирских городах описаны В. И. Исаевым, Е. И. Красильниковой. Историками В. Л. Соскиным, С. А. Красильниковым и Е. Г. Водичевым определены основные направления культурной политики в Сибири межвоенного времени. Справочные издания 1990–2000-х гг. содержат полезные нам обобщения и данные по истории западно-сибирских городов³.

В-пятых, мы выделяем исследования, посвященные историческому некрополю городов Западной Сибири. В диссертации описаны основные этапы формирования российской некрополистики, контексты которой определили изучение истории старых кладбищ в Сибири. С начала 2000-х гг. наиболее плодотворно изучается исторический некрополь Томска⁴. В 2005 г. был также опубликован «Омский некрополь»⁵, а в 2009 г. – «Новосибирский некрополь»⁶. Все эти исследования свидетельствуют о продвижении краеведов в области региональной некрополистики, которая, однако, пока сконцентрирована преимущественно на сборе эмпирического материала.

Истории старых кладбищ городов Западной Сибири посвящены многочисленные работы по краеведению и археологии. Это труды А. В. Адрианова, Д. Н. Беликова, П. П. Вибе, В. Ф. Гришаева, М. Н. Добрынина, А. П. Дульзона, К. Н. Евтропова, М. И. Корсаковой, А. В. Контева, Н. И. Лебедевой, Е. И. Лясоцкого, А. Ф. Палашенкова, С. В. Привалихиной, Н. М. Пугачёвой, Г. И. Сороколетовой, А. П. Уманского, С. М. Чугунова и др.

В-шестых, необходимо остановиться на историографии создания советских памятников и мемориалов в городах Западной Сибири 1920–1930-х гг. Прежде всего, в диссертации охарактеризованы общие работы культурологов и искусствоведов, посвященные проблеме определения места памятника в культурной среде российских городов, а также в советской культуре (А. В. Святославский,

³ Барнаул: летопись города. – Барнаул, 1994. – Ч. 1; Новосибирск, 100 лет: События. Люди. – Новосибирск, 1993; *Цыплаков И. Ф.* Корона сибирской столицы: хроника исторического центра г. Новосибирска. – Новосибирск, 2003 и др.

⁴ Томский некрополь: списки и некрологи погребенных на старых томских кладбищах (1827–1939 гг.). – Томск, 2001; Католический некрополь г. Томска (1841–1919 гг.). – Томск, 2001 и др.

⁵ Омский некрополь: исчезнувшие кладбища. – Омск, 2005.

⁶ Новосибирский некрополь. – Новосибирск, 2009.

Н. Ю. Андрианова). Отмечены и работы об общих тенденциях развития советского монументального искусства В. П. Толстого, М. Боуна (M. Bown) и др.

Памятники и монументы, созданные в сибирских городах в период между Гражданской и Великой Отечественной войнами, еще в советское время описаны авторами однотипных справочных изданий. Публикация похожих краеведческих работ продолжилась и в постсоветское время. Новым этапом осмысления места и роли революционных мемориалов в культурной среде западно-сибирских городов стали историко-культурологические работы омских ученых В. Г. Рыженко, Д. А. Алисова, В. Ш. Назимовой.

В-седьмых, нами выделяются труды, посвященные развитию похоронных традиций в России и их изменениям в советское время. В диссертации сделан краткий экскурс в историю изучения этой тематики под этнографическим углом зрения. Отмечено, что в 1980-х – начале 1990-х гг. появились отдельные исследования, посвященные именно гражданским похоронам в дореволюционной России и в СССР. В последние годы исследователи проявили интерес и к похоронам политической элиты дореволюционного периода, в первую очередь – русских царей (С. А. Лиманова, М. О. Логунова и др.). Стали появляться и работы о распространении «красных похорон» в разных регионах СССР, их восприятии местными жителями. Трансформации похоронной обрядности у русских в XX – начале XXI в. посвящена работа А. Д. Соколовой. Отдельного внимания заслуживают труды британского историка К. Мэрридэйл (C. Merridale) – автора ряда статей и монографии о восприятии смерти и особенностях бытования коллективной памяти в российском обществе XX в.

В этнографическом ключе похоронную обрядность жителей Сибири изучали М. Л. Бережнова, Г. С. Виноградов, О. В. Голубкова, Н. А. Хадзинский и др. К характеристике сибирского похоронного крестьянского обряда обращались и историки (Б. Е. Андюсев, Н. А. Миненко). Однако городские сибирские похороны и тем более «красные» похороны в Сибири – это практически неизученная тематика, особенно в контексте социально-политической истории.

В-восьмых, мы выделяем литературу, посвященную формированию праздничной советской культуры. В диссертации приводится характеристика работ о городской праздничной культуре дореволюционного периода (О. Г. Агеева, Р. М. Байбурова, Ю. М. Гончаров, С. А. Шилин и др.), позволяющих судить о ее изменениях в советское время.

Государственные праздники советской России 20–30-х гг. были описаны некоторыми исследователями уже в 1960–1980-х гг. (В. С. Аксёнов, И. М. Бибикина, Д. М. Генкин, С. Герасимов, В. П. Толстой, П. Г. Ширяева) и др. Нововведения советского праздничного календаря, организация массовых торжеств и их идеологическое значение в последние годы активно изучаются как российскими, так и зарубежными учеными (Г. А. Бордюгов, С. Ю. Малышева, А. И. Щербинин, Ф. Корни, К. Петроне, М. Рольф (M. Rolf)). Однако до сих пор практически не исследованы революционные праздники в Сибири и их коммеморативное значение.

В-девятых, мы учитываем литературу, посвященную проблемам репрезентации исторического прошлого в музейном пространстве. Традиции, сложившиеся в музейном деле досоветского периода, идейные установки, интересы и профессиональные приоритеты российских музейщиков подвергались изучению еще в 1960–1980-х гг. (Г. Л. Малицкий, А. М. Разгон). В настоящее время исследование этой тематики продолжается Х. М. Турьинской и др. Общие контуры развития музейного дела в СССР 20–30-х гг. были описаны группой ученых, возглавленных А. М. Разгоном (Л. Н. Годунова, О. В. Ионова, Д. А. Равикович, Т. Н. Семененко, А. В. Ушаков). Обобщенные, свободные от советской идеологии сведения по истории музейного дела в СССР содержатся в «Российской музейной энциклопедии» (М., 2001) и в издании «Музейное дело России» (М., 2003).

Обзор деятельности сибирских музеев в 1920-х – начале 1930-х гг. был дан еще в «Сибирской советской энциклопедии»⁷. В настоящее время наблюдается подъем интереса к музейной тематике. Периодизация истории этнографических и исторических музеев Сибири разработана Н. А. Томиловым. В рамках сибирского музееведения подготовлено много работ, посвященных истории отдельно взятых музеев (Ю. А. Абрамова, Д. А. Алисов, И. В. Артюхова, О. А. Безродная, П. П. Вибе, С. Е. Григорьева, В. Ф. Гришаев, Н. М. Дмитриенко, М. А. Жигунова, Л. С. Мартынова, В. Г. Рыженко, Н. А. Томилов, А. И. Шумилов и др.). Однако приходится признать, что деятельность музеев городов Западной Сибири практически не рассматривалась в контексте развития исторической памяти жителей региона.

Второй параграф «Основные источники исследования» посвящен их классификации и характеристике. Нами были мобилизованы *письменные, устные, визуальные и вещественные источники*. Часть письменных источников представлена опубликованными материалами, однако в значительной степени исследование базируется на неопубликованных источниках, хранящихся в фондах 10 архивов (Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный архив социально-политической истории, Российский государственный исторический архив, Государственный архив Алтайского края, Государственный архив Новосибирской области, Государственный архив Томской области, Исторический архив Омской области, Центр документации новейшей истории Томской области, Новосибирский городской архив и ведомственный архив Томского областного краеведческого музея им. М. Б. Шатилова). К числу неопубликованных относятся и устные источники – созданные нами аудиозаписи серии интервью с пожилыми сибиряками, а также визуальные источники.

В числе *письменных источников – законодательные и иные нормативные материалы*, как опубликованные, так и неопубликованные. Из числа дорево-

⁷ Алтайский отдел Государственного Русского географического общества // Сибирская советская энциклопедия. – Новосибирск, 1929. – Т. 1. – С. 88; Новосибирский музей // Сибирская советская энциклопедия. – Новосибирск, 1932. – Т. 3. – С. 791–792.

люционных законодательных источников нами был использован «Устав медицинской полиции» (СПб., 1857), дворцовые церемониалы, решения Комиссии по вопросу о дне всенародного празднования 300-летия царствования Дома Романовых. Для установления истоков коммеморативных традиций советского времени востребованы и постановления Томской городской управы о празднованиях, приуроченных к различным памятным датам.

Важными законодательными источниками нашего исследования, позволяющими определить факторы динамики коммемораций, менявшиеся со временем цели и содержание государственной политики памяти, послужили декреты советской власти, Конституции СССР 1924 и 1936 гг., Гражданский кодекс РСФСР 1922 г., директивные документы высших органов Коммунистической партии⁸.

Для установления социокультурных характеристик исторического некрополя городов Западной Сибири нами преимущественно использовалась *регистрационная документация* (метрические книги городских церквей и соборов Западной Сибири, книги ЗАГСов). Обширный пласт неопубликованных источников нашего исследования представлен *делопроизводственными материалами* (нормативные документы, протокольная документация, деловая переписка, информационные документы, учетная и отчетная документация). Эти источники отражают процессы реализации политики памяти, организации и создания коммемораций, их восприятие населением. Использованные нами *коллекции краеведческих и исторических материалов* позволяют судить об оценках прошлого, оставленных сибиряками в 20–30-х гг. XX в. В числе источников исследования важное место занимают *мемуары* сибиряков разных десятилетий, как неопубликованные, так и опубликованные, *публицистические и научные произведения краеведов, сибиреведов и сибирских музейщиков* (А. В. Адрианов, В. Д. Вегман, А. М. Прибыткова-Фролова и др.), *научные труды* классиков городоведения 1920-х гг. (Н. П. Анциферов, И. М. Гревс), произведения историков 1920–1930-х гг.

Наиболее обширный пласт опубликованных источников представлен *газетной периодикой*, прежде всего, региональными изданиями. Это «Алтайская правда» (1937–1941 гг.), «Алтайский коммунист» (1920 г.), «Большевик» (1923 г.), «Знамя революции» (1920–1921 гг.), «Красное знамя» (1921–1941 гг.), «Красный Алтай» (1920–1937 гг.), «Новосибирский рабочий» (1932 г.), «Омская правда» (1937–1941 гг.), «Рабочий путь» (1921–1934 гг.), «Сибирский коммунист» (1920 г.), «Советская Сибирь» (1919–1941 гг.). Журнальная периодика, использованная нами в качестве источников, представлена «Сибирскими огнями» (1922–1941 гг.), журналами «Коммунальное хозяйство», «Коммунальное дело», «За социалистическую реконструкцию городов», издававшихся в 20–30-х гг.

⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). – 9-е изд., доп. и испр. – М., 1983–1989. – Т. 1–7 и др.

Еще одну группу источников нашего исследования составляют *справочные издания*, построенные на материалах Сибири⁹. К справочной литературе, имеющей значение источника данного исследования, мы также относим эмпирические материалы, опубликованные томскими некрополистами (Томск, 2001).

В целях осуществления задач данного исследования нами были созданы и *устные источники* – аудиозаписи интервью с пожилыми сибиряками, послужившие материалом для исследования. Записи хранятся теперь в музее Новосибирского государственного технического университета. Их использование было чрезвычайно важно для выявления неофициального, обывательского взгляда на некрокультуру межвоенного времени.

Нами также использованы *источники визуального типа*: натурально-изобразительные (фотографии), художественно-изобразительные (проекты памятников, архитектурные зарисовки томских художников) и картографические – планы городов Западной Сибири разных лет. В числе *вещественных источников* – остатки исторического некрополя городов Западной Сибири, городские военно-революционные монументы 1920–1930-х гг., сохранившиеся здания западно-сибирских городских музеев, музейные предметы, собранные в изучаемый период и до сих пор экспонирующиеся. Приведенный обзор позволяет нам подтвердить хорошую обеспеченность темы исследования источниками.

Глава 2 «Исторический некрополь городов Западной Сибири: столкновения традиций и политики памяти» включает четыре параграфа. Нами установлено, какие именно кладбища функционировали в Томске, Новосибирске, Барнауле и Омске в межвоенный период. В главе определены общие факторы изменения исторического некрополя городов региона как памятных мест. На состоянии некрополя сказались, в первую очередь, социокультурные и экономические условия Гражданской войны, принесшей хозяйственную разруху и заметную деградацию сферы культуры памяти. Определяющими в судьбе исторического некрополя городов Западной Сибири стали и такие факторы, как новые веяния в сфере градостроительной мысли и коммунального хозяйства (идеи «города-сада», «соцгорода», популяризация кремации), государственная коммунальная и градоустроительная политика, а также хозяйственные и градоустроительные решения местных органов власти, направленные на решение давно существовавших коммунальных проблем («переполнение кладбищ»). В качестве особого фактора также выделены изменения в сфере культурной политики, к которым мы относим антирелигиозную пропаганду, концептуальные представления о «новом быте», «культурности» и «культурном досуге».

В качестве субъекта политики памяти, отразившейся на состоянии исторического некрополя, выступали, прежде всего, органы законодательной власти, постановления которых регулировали кладбищенское хозяйство. Однако велика

⁹ Весь Омск. – Омск, 1911; Весь Новосибирск. – Новосибирск, 1931; Весь Новониколаевск. – М., 1925; Вся Сибирь: справочная и адресная книга на 1924 г. – Л., 1924 и др.

была и роль местных органов власти, принимавших окончательные решения о сносе городских кладбищ. Формально законы и постановления горсоветов касались не коммеморативной сферы культуры, а сферы коммунального хозяйства. Однако стремление изменить порядок устройства кладбищ было связано с идеологическими контекстами эпохи и соответствовало общей направленности культурной политики, предполагавшей широкое распространение в обществе нового отношения к смерти, погребению и поминовению.

7 июля 1918 г. был обнародован декрет СНК о кладбищах и похоронах, согласно которому все кладбища, крематории и морги, а также организация похорон граждан поступали в ведение местных Совдепов. Деление мест погребения на разряды упразднялось. Оплата мест на кладбищах отменялась. Церковь освобождалась от участия в кладбищенском хозяйствовании.

В 1922 г. была осуществлена реформа похоронного дела, вызванная введением нэпа. Платные ритуальные услуги населению стали оказывать частные похоронные бюро. Реформа 1922 г. ускоряла закрытие переполненных кладбищ. В 1929 г. сферу кладбищенского хозяйства страны вновь реформировали. Санитарные требования к содержанию кладбищ заметно повышались. Благоустройство городских кладбищ и контроль над их санитарным состоянием полностью ложилось на органы местного коммунального хозяйства и районные исполкомы. Они же должны были заботиться о содержании могил выдающихся людей и о надгробиях, имевших высокую художественную ценность. При этом вновь акцентировалась необходимость закрытия по решению горсоветов переполненных кладбищ. Немедленное использование их территории допускалось лишь под парки, зеленые насаждения и покосы.

По нашему мнению, в решениях органов центральной и местной власти, касавшихся старых кладбищ провинциальных городов, проявились общие черты политики памяти, содержание которой можно обобщить в следующих характеристиках: 1) обесценивание памяти о прежней элите местных сообществ; 2) отсутствие внимания к сохранению коллективной памяти семей посредством некрополя; 3) воспитание молодого поколения в духе неприязненного отношения к дореволюционному прошлому; 4) формирование однотипных советских героических некрополей; 5) внушение обществу атеистического отношения к смерти и памяти об усопших.

В каждом из четырех параграфов второй главы охарактеризован круг лиц, покоившихся на старых кладбищах городов Западной Сибири в дореволюционный период, а также указаны наиболее примечательные и типичные захоронения межвоенных лет.

На примерах некрополей Томска, Новосибирска, Барнаула и Омска автор фиксирует сохранение дореволюционных традиций некрокультуры в межвоенное время, подчеркивает устойчивость религиозных традиций в организации пространства кладбища. В качестве советских нововведений выделено: 1) появление новых форм надгробий, лишенных религиозной символики; 2) отведение отдельных «коммунистических» («партийных») участков на кладбищах; 3) изживание

традиции делить кладбища на кварталы по религиозному признаку; 4) стремление местных властей избавиться от исторических некрополей, отражавших дореволюционную социальную иерархию (с середины 1920-х гг.). В каждом параграфе сообщается о вариантах восприятия местными жителями процессов, связанных с изменениями в сфере культуры некрополя.

Первый параграф посвящен историческим кладбищам Томска: двум монастырским (при Иоано-Предтеченском и Алексеевском монастырях), а также Вознесенскому, Преображенскому и погребениям отдельных лиц в ограде Воскресенской церкви. Все дореволюционные кладбища Томска были постепенно закрыты и практически разрушены до 1939 г.

В диссертации подчеркнута роль томской интеллигенции, пытавшейся законными методами защищать отдельные могилы, наиболее значимые с точки зрения ее коллективной памяти. Сообщается, что многие томичи еще долго продолжали посещать старые кладбища и после их закрытия. Также нами уделено внимание курьезному сюжету о широком распространении в Томске первой половины 1920-х гг. слухов о чудесных явлениях старца Федора Кузьмича на закрытом кладбище Алексеевского монастыря. Эти слухи интерпретируются как реакция традиционно мысливших жителей Томска на девальвацию ценностей религиозной некрокультуры.

Второй параграф озаглавлен «Городские кладбища Новониколаевска – Новосибирска». Нами установлено, что к концу Гражданской войны в Новониколаевске функционировало три кладбища: Воскресенское (Старое городское), Новое городское (Успенское, Молоковское), Закаменское и Магометанское. В числе особых факторов, определивших судьбу исторического некрополя Новосибирска, – острейший эпидемиологический кризис конца 1919 – начала 1920 г., когда численность населения города сократилась почти вдвое, а также особая острота коммунальных проблем. Новосибирск в качестве региональной столицы должен был задавать тон идеологической работе в Сибири, что также отразилось на судьбе исторического некрополя города.

В качестве знакового события в диссертации представлено закрытие и уничтожение Воскресенского погоста в 1924 г., сопровождавшееся протестом местных жителей и ставшее первым шагом к разрушению всех дореволюционных кладбищ городов Западной Сибири.

Третий параграф «Старые кладбища Барнаула» посвящен исторической судьбе Нагорного (Предтеченского, Иоанно-Предтеченского) и Воздвиженского (Крестовоздвиженского) кладбищ. Оба они были закрыты в 1931 г. Как и в Томске, музейщики Барнаула безуспешно пытались противостоять уничтожению надгробий выдающихся людей, а также памятников, ценных в эстетическом смысле. Однако общая масса населения не выразила открытого протеста. При этом мемуары свидетельствуют, что многие жители города продолжали воспринимать разрушенные кладбища как памятные места и посещать их в соответствии с традицией.

Четвертый параграф «Городской некрополь Омска» посвящен преимущественно истории Шепелевского и Казачьего (Всехсвятского) кладбищ, решение о закрытии которых было принято лишь в 1941 г. Диссертантом предпринят анализ местных газетных публикаций, сообщающих о «беспорядках» и кризисе кладбищенского хозяйства. С одной стороны, эти публикации отражали реальность, с другой же, выполняли идеологическую функцию, выступая способом формирования негативного общественного мнения о старых памятных местах, еще воспринимавшихся верующими как святые. В параграфе анализируются инициативы омской интеллигенции, направленные на сохранение памяти о городском некрополе.

Глава 3 «Похоронно-поминальные традиции и вызовы советской политики памяти» состоит из четырех параграфов.

В первом параграфе «Массовые торжественные похороны героев и жертв Гражданской войны и проблемы формирования военно-революционного героического некрополя в западно-сибирских городах» сообщается, что большевистская мемориализация героев и жертв борьбы с «колчаковщиной» началась сразу после «освобождения» Западной Сибири. Нами определены черты преемственности между дореволюционными политическими похоронами и похоронами «жертв колчаковщины», устраивавшимися в каждом губернском городе региона. Отличительная специфика этих коммемораций объясняется рядом факторов. Во-первых, формирование ритуала массовых «красных» похорон проходило в рамках выработки левыми силами протестных политических практик – наряду с демонстрациями, забастовками и т. п. В условиях еще не окончившейся Гражданской войны протестный смысл большевистских похорон сохранялся. Во-вторых, выработка «красного» ритуала происходила под воздействием развития революционных дискурсов европейской культуры: литературного, художественно-изобразительного и праздничного. В восприятии гибели героев большевики отчасти воспроизводили отношение к смерти, характерное для традиций культуры классицизма и романтизма, отразивших этапы революционного процесса во Франции. В-третьих, формирование ритуала «красных» похорон происходило под воздействием атеистического отношения к смерти и антирелигиозной пропаганды. Однако при этом заметно, что ритуальные формы похорон во многом соответствовали религиозной традиции.

Организаторами массовых похорон выступили губревкомы, при которых создавались соответствующие комиссии, разрабатывавшие похоронные церемониалы в опоре на столичные образцы. Говоря о политике памяти, выражавшейся в этих коммеморациях, автор подчеркивает, что они использовались для создания видимости финальной победы над противниками, для укрепления и расширения поддержки большевиков населением. В последующие годы использование памяти о павших героях имело мобилизационное значение.

При кажущейся инновационности в похоронах «жертв колчаковщины» было мало новых ритуальных элементов. Организаторы похорон стремились заменить лишь явно религиозные элементы ритуала гражданскими, восходив-

шими к образцам периода Парижской коммуны. При этом характер «выноса» тел, построения траурной процессии, использования музыки и прочих ритуальных действий отвечал православной традиции.

Восприятие массовых похорон «жертв колчаковщины» было неоднозначным, зависимым от политических взглядов жителей городов. Отдельно в диссертации рассмотрен вопрос о поминовении «жертв колчаковщины» в последующие годы. Большевики не отрицали того факта, что множество павших героев оказалось забытым. Это объясняется разрывом с религиозной традицией поминовения, контекстами хозяйственной разрухи и демографического кризиса. Однако ценность идеологического ресурса памяти о «павших героях» осознавалась большевиками. Поэтому с начала 1920-х гг. они вели работу по конструированию героического революционного некрополя, охарактеризованную нами в диссертации.

Второй параграф озаглавлен «Проблемы создания мемориальных знаков на братских могилах “жертв колчаковщины”». В параграфе уделено внимание дореволюционной предыстории возведения памятников в Западной Сибири. Отмечается, что вопрос о создании памятников стал особенно актуальным после «освобождения от колчаковщины». В качестве основного фактора принятия соответствующих решений выделена советская монументальная политика, ярко отраженная в ленинском плане монументально пропаганды и в декрете СНК «О памятниках Республики».

В поисках художественных средств выражения политических идей деятели искусства в начале 1920-х гг. обращались к образам, характерным, прежде всего, для традиций классицизма и романтизма. Наши наблюдения показывают, что советская политика памяти, отразившаяся на создании военнореволюционных памятников в городах Западной Сибири, выразилась в стремлении к унификации образов, которые, как правило, не были напрямую связаны с местными событиями, не напоминали конкретные жертвы и конкретных героев. Памятники утверждали начало новой эпохи, служили ее первыми и главными символами, которые доминировали в мемориальной среде городов и в последующие годы.

В диссертации рассмотрены проекты памятников для братских могил в Новосибирске и Томске, подготовленные художниками к местным конкурсам начала 1920-х гг., за организацию которых отвечали губернские комитеты РКП(б) и губернские исполкомы Советов. Охарактеризовано и проведение этих конкурсов. Также дается интерпретация символического значения памятников, реально установленных на братских могилах в Новосибирске, Омске, Барнауле и Томске. Отмечено стремление авторов монументов уйти от традиционной кладбищенской эстетики и символов скорби. По мнению автора, формализм образов не способствовал сохранению памяти о тех конкретных людях, которые покоились в братских могилах. В диссертации дается оценка восприятия памятников жителями городов.

Третий параграф – «Массовое прощание с В. И. Лениным, “Ленинские дни” и траурные мероприятия, приуроченные к смерти крупных советских политических деятелей». Здесь отмечено, что ритуал прощания с вождем революции, умершим 21 января 1924 г., опирался на образцы дворцовых похоронных церемониалов имперского периода, а также на опыт организации «красных похорон» героев революции и Гражданской войны.

В. И. Ленин умер в период политической нестабильности. В существовавших условиях необходимо было найти такие коммеморативные формы и приемы, которые бы способствовали стабилизации ситуации, позитивным изменениям в отношении общества к власти. Посредством траурной кампании удалось расширить партийные ряды: уже в марте 1924 г. был зафиксирован резкий рост количества заявлений от людей, желавших вступить в партию. Похороны служили выражению политической солидарности граждан, мобилизации общества на достижение успехов экономического развития страны.

В диссертации последовательно охарактеризованы этапы и формы прощания сибиряков с вождем. Мы приходим к выводу, что ту часть общества, которая искренне скорбела, захлестнула волна переживаний, характерных для традиционных похорон. Как печать, так и секретные сводки о политических настроениях фиксировали равнодушную реакцию населения на смерть В. И. Ленина. Отмечались различные страхи: «Удержатся ли коммунисты без Ленина?», «Не последует ли раскол партии?» и пр. Но ясно и то, что далеко не все сибиряки прониклись скорбью в дни траура. Фиксировались неприязненные высказывания о вожде, критика политики большевиков.

В диссертации охарактеризованы и ежегодные «Ленинские дни», посвященные памяти вождя. Уже в 1920-х гг. фигура памяти В. И. Ленина рассматривалась утилитарно. Во-первых, это проявлялось в том, что власть стремилась внедрить в общественное сознание не память о Ленине-человеке, а представление о нем как о символе революции. Во-вторых, дни памяти преподносились не как дни скорби, но как праздники, имевшие мобилизационные цели. В 1930-е гг. в коммеморативные практики, связанные с В. И. Лениным, вводится фигура И. В. Сталина. Создавалась видимость революционной преемственности между политикой двух вождей – мертвого и живого. Для организации дней памяти Ленина использовался дореволюционный сценарный шаблон официальных политических торжеств. Восприятие Ленинских торжеств постепенно менялось. Общество привыкало к идеальному образу вождя.

Похороны В. И. Ленина послужили образцом для последующих церемоний всенародного прощания с членами правительства, также рассмотренных в диссертации на примерах похорон С. М. Кирова, В. В. Куйбышева, Г. К. Орджоникидзе, М. В. Фрунзе. Подчеркнуто выраженное мобилизационное значение этих массовых коммемораций.

В четвертом параграфе «Похоронно-поминальные практики в повседневной жизни западно-сибирских городов» раскрывается проблема противостояния советской политики памяти религиозным традициям на примерах

городских похорон «обычных» людей, составлявших абсолютное большинство населения городов региона. В дореволюционное время около 90 % жителей России сохраняли верность традиции православного погребения, сущность которой кратко характеризуется в диссертации.

В 1918 г. декретом СНК о кладбищах и похоронах для всех граждан устанавливались бесплатные «одинаковые похороны», деление похорон на «разряды» устранялось. Похоронные религиозные обряды в храме и на кладбище могли совершаться только по желанию родственников и близких умершего за их собственный счет. В 1922 г. вновь вводилась оплата за похороны и погребение, которыми занялись частные похоронные бюро. Это породило свободу в выборе ритуала погребения, который в 20-х гг. часто оставался вполне традиционным. По правилам 1929 г., погребение усопшего могло осуществляться исключительно в индивидуальной могиле, плата за которую не допускалась. О возможности осуществления религиозного ритуала погребения правила умалчивали. На изменении отношения к похоронам сказались также факторы санитарного просвещения, развития концепции нового быта и антирелигиозной пропаганды.

Политика памяти, влиявшая на характер обывательских похорон 1920–1930-х гг., не была последовательной и детально продуманной. Однако очевидно, что государство стремилось распространить практику «безрелигиозных» похорон. В начале 20-х гг. внедрялись «красные похороны» как средство выражения особых почестей в адрес умершего и способ формирования политической солидарности. Традиционные церковные похороны не одобрялись.

Выводы о характере погребальных практик в Томске, Новосибирске, Омске и Барнауле сделаны нами, главным образом, в опоре на газетные источники – траурные объявления, некрологи, репортажи с похорон. В 1920-х гг. еще нередкими были традиционные религиозные похороны. Религиозным ритуалам оставалась верна интеллигенция. С 1930 г. объявления о похоронах с отпеванием в церкви практически исчезли из газет. Однако это не означает полного прерывания традиции, а свидетельствует лишь о том, что верующие стали отгораживаться от внешнего мира и прекратили афишировать свои духовные практики.

В газетных описаниях «красных похорон» начала 1920-х гг. присутствует много указаний на сохранение в гражданском обряде традиционных элементов, которые использовались по инерции. Нами отмечено, что советским стереотипом «красных похорон» выступила агитационная составляющая ритуала. Панихида по усопшему перерастала в митинг, на похоронах использовались советские лозунги. Присутствовать на «красных похоронах» должны были «все партийцы, свободные от работы». В 1930-е гг. участилась практика пышных гражданских похорон. Наступило возрождение ярких траурных коммемораций, характерных для начала 20-х гг. и не свойственных периоду нэпа. Помпезного прощания обычно удостоивались коммунисты, руководители учебных заведений и предприятий, ударники производства, чекисты, милиционеры и т. п.

Наибольшее число траурных объявлений, опубликованных за весь изучаемый период, сообщают о «скромных» гражданских похоронах, которые ча-

стично или полностью исключали элементы религиозного ритуала. Роль коллег и сослуживцев в организации похорон постепенно росла.

Отношение общества как к традиционным, так и к гражданским похоронам было различным. Верующие отторгали «красные» похороны, убежденные большевики неприязненно воспринимали отпевание и прочие элементы религиозного ритуала. Черта времени – смешение теоретически несовместимых ритуальных элементов, отражающее культурную маргинализацию. О похоронах 1930-х – начала 1940-х гг. нами было составлено несколько бесед с пожилыми новосибирцами, анализ которых представлен в диссертации.

В главе 4 «Массовые государственные праздники в городах Западной Сибири: динамика коммемораций» определяются дореволюционные истоки праздничных коммеморативных традиций, которые использовала и советская власть. В каждом параграфе описан типовой праздничный сценарий, не менявшийся годами: вечера воспоминаний в канун памятной даты, военные парады, демонстрации, митинги, закладки и открытие памятников, торжественные заседания горсоветов, народные гуляния, бесплатные спектакли, концерты, показы кино. Все эти сценарные элементы торжеств имели коммеморативную составляющую, подвергнутую анализу автором диссертации. В каждом параграфе подчеркнута неоднозначность восприятия населением праздничных коммемораций.

В первом параграфе «Коммеморативная составляющая Октябрьских торжеств» выделены такие факторы изменений праздничных коммемораций, как масштабные политические события (Февральская революция и свержение самодержавия, Октябрьская революция, победы периода Гражданской войны, образование СССР); утверждение атеизма в официальной культуре и антирелигиозная пропаганда; коренные изменения в интеллектуальной культуре, прежде всего в отечественной историографии.

Субъектами политики памяти являлись партия и правительство, для которых политические торжества выступали средством формирования и поддержания определенной версии коллективной памяти о ряде событий. В 1920-х гг. к каждой памятной дате Октябрьские комиссии при Президиуме ЦИК СССР формулировали новые «ударные точки пропаганды», связанные с актуальными политическими задачами. На местах за проведение праздников отвечали партийные органы (губкомы, обкомы, горкомы), строго подчинявшиеся центру. В целях пропаганды обязательно использовались исторические рассказы, помогавшие доказывать прогресс и показывать движение общества от старого к новому и лучшему. В Сибири начала 1920-х гг. существовали и особые идеологические задачи, связанные с необходимостью формирования стандартного набора коллективных воспоминаний о «колчаковщине». С середины 20-х гг. основная идеологическая задача торжеств состояла в формировании у населения убеждения в прогрессивном развитии страны после революции. К началу 1930-х гг. пропаганда ставила перед населением новую боевую задачу борьбы за советскую индустрию, что отразилось и на содержании

коммемораций. Также более очевидной стала тенденция подавления регионального сибирского нарратива революции и Гражданской войны общесоветским нарративом. К концу десятилетия исторические сюжеты, тиражировавшиеся в праздничные дни, использовались для пропаганды патриотизма и оправдания сильной, бескомпромиссной власти.

Из анализа отдельных сценарных элементов торжеств видно постепенное ограничение свободы публичных выступлений с воспоминаниями, угасание памяти о тех, кто считался героями местных событий Гражданской войны, снижение внимания к братским могилам «жертв колчаковщины». В Октябрьских коммеморациях было мало новых элементов. Торжества устраивались преимущественно по дореволюционным шаблонам. Однако посредством традиционных по форме торжеств реализовывалась политика памяти, наполнявшаяся все новыми актуальными смыслами и преследовавшая новые цели, связанные с проблемами экономического развития, внутривластной борьбы и борьбы с инакомыслием в обществе.

Во втором параграфе «Массовые празднования юбилейных годовщин Первой русской революции» сообщается, что в Западной Сибири этот праздник начали отмечать с 1920 г. Особенно торжественно отмечался 20-летний юбилей начала Первой русской революции и 30-летие событий 1905 г. в Томске, что было связано с гибелью С. М. Кирова незадолго до юбилейной даты. В 1930-е гг., когда государственные торжества стали особенно зрелищными и пышными, годовщина революции 1905 г. начала утрачивать статус самостоятельно праздника, постепенно сливаясь с «Ленинскими днями».

В начале 1920-х гг. торжества служили напоминанию обстоятельств и цены установления советской власти. Участию меньшевистских сил в борьбе с царизмом внимания практически не уделялось. Пропаганда стремилась преподнести события революции 1905 г. как достояние живой, актуальной исторической памяти общества. Поскольку в 1930-х гг. празднования были ориентированы на современность и будущие успехи социалистического строительства, полезной для Сибири в идеологическом смысле стала фигура памяти «Киров». У пропагандистов появилась возможность, конструируя коллективную память об идеальном герое, еще более эффективно навязывать населению шаблонное восприятие революционной истории.

Как и в случае с Октябрьскими торжествами, коммеморации, связанные с памятливыми датами Первой русской революции, из года в год базировались на дореволюционных образцах. Менялась лишь трактовка смысла событий, что было обусловлено идеологически. Заметно и то, что в 1920-х гг. коммеморации, приуроченные к годовщинам революции 1905 г., были теснее связаны с обращением к местной истории, нежели Октябрьские коммеморации.

Третий параграф озаглавлен «Годовщины местных событий Гражданской войны». В 1920 г. общим праздником для всех губернских городов Западной Сибири были объявлены торжества, посвященные «освобождению от колчаковщины», которые изначально объединяли с празднованием годов-

щин Октябрьской революции. В дальнейшем локальный праздник на несколько лет обрел в каждом городе региона собственную дату. В качестве существенного фактора, определявшего динамику коммемораций, в диссертации выделены общественные настроения. Существовавшее в обществе начала 20-х гг. недовольство советской властью вызывало необходимость доказывать правоту большевиков, используя негативные образы «колчаковщины». С годами, по мере подавления «контрреволюционных» настроений, «колчаковские зверства» стали приниматься сибиряками на веру, а «красный террор» замалчивался.

В начале 1920-х гг. торжества выступали средством настоящей информационной войны. Насаждение мнения о единстве Красной армии, самоотверженно бившейся за идеалы пролетарской революции, происходило в реальных условиях широко распространенных демобилизационных настроений среди солдат. В дальнейшем пропаганда изображала идеальный образ Красной армии периода Гражданской войны, служивший воспитательным средством для солдат и средством смягчения этих настроений. Во второй половине 1930-х гг. государство в лице местных органов власти стремилось к унификации коллективной памяти о Гражданской войне и целенаправленно вытесняло из местных коммеморативных практик и коллективной памяти социальных групп сюжеты, связанные с локальными военно-революционными событиями.

В Омске в изучаемый период отдельно отмечались годовщины крупнейших сражений и восстаний времен Гражданской войны. Эти даты напоминали о больших поражениях и многочисленных жертвах. Для Омска знаковыми в этом смысле были дни памяти битвы под Марьяновкой (6 июня) и неудачного восстания против колчаковского режима (22 декабря). Мероприятия в память о жертвах Марьяновки устраивались в 1933 (пятнадцатилетие) и 1938 (двадцатилетие) юбилейных годах. В диссертации подчеркнута значительная роль участников этих событий в организации соответствующих торжеств и увековечивании памяти о павших бойцах.

Глава 5 «Краеведческие музеи: проблемы репрезентации исторического прошлого и деятельность, направленная на охрану памятников» состоит из четырех параграфов. В каждом параграфе сообщается о дореволюционном этапе существования музеев и о коммеморативной составляющей их деятельности. Определяются факторы развития городских музеев региона в межвоенные годы. В советское время музеи были поставлены под контроль государства. Они играли ключевую роль в аккумулировании определенной версии коллективной памяти, в трансляции официальных оценок прошлого, в идеологическом просвещении. В параграфе приведены характеристики законодательного и политического контекстов работы музеев в межвоенный период.

Отмечено, что в 1918 г. музеи стали рассматриваться советской властью, прежде всего, как идеологические и научно-просветительские учреждения. После Гражданской войны советская власть инициировала их работу по выявлению, учету и сохранению памятников и артефактов старины. С 1923 г. в

задачи музеев входило приведение в порядок собранных артефактов и критическая оценка всех сохранных памятников. С середины 20-х гг. музеи работали над формированием нового военно-революционного ландшафта памяти в своих городах. С 1927 г. руководящими органами было признано, что научно-исследовательская работа музеев осуществляется в отрыве от задач работы политико-просветительской. Смена государственного курса на рубеже десятилетий ускорила путь к унификации и более выраженной политизации музейного дела в СССР. 1–5 декабря 1930 г. в Москве состоялся Первый Всероссийский музейный съезд, который мобилизовал музеи на приоритетное решение политико-идеологических задач. На рубеже 20-х и 30-х гг. все музеи региона переживали кризис, выразившийся в неспособности построить экспозицию, отвечающую идеологическому стандарту.

Помимо политики, в качестве важного определяющего фактора работы музеев 1920–1930-х гг. выделено развитие науки, музейной и краеведческой мысли («родиноведение», идеи И. М. Гревса и Н. П. Анциферова), а также творческие инициативы местной интеллигенции, в первую очередь руководства и сотрудников музеев.

Нами установлены черты государственной политики памяти, сказавшиеся на деятельности музеев: проявившееся еще в период Гражданской войны стремление дискредитировать дореволюционное прошлое России и, в частности, Сибири; унификация исторического знания, приводившая к слабости музейных репрезентаций истории края, а также гиперболизация роли И. В. Сталина и других «вождей» (С. М. Киров, В. В. Куйбышев) в истории, отраженной в экспозициях. В каждом параграфе сообщается о восприятии музеев посетителями, фиксируется их неизменный интерес именно к местной истории, подлинным историческим предметам и неприятие экспериментов первой половины 1930-х гг.

В первом параграфе «Омский краеведческий музей: диктат политики памяти и краеведческие инициативы музейщиков» сообщается, что в 1920–1923 гг. это учреждение пребывало в кризисном состоянии. В 1922 г. в экспозиции был представлен отдел о революции и Гражданской войне. В первой половине 20-х гг. музейщики Омска начали работу по изучению и охране памятников местной истории. В сфере их внимания оказался Воскресенский собор, за сохранение которого в неизменном виде музей боролся до 1928 г.

В конце 1920-х гг. под давлением руководящих органов началась более детальная, но безуспешная разработка исторической части экспозиции, которая вызвала в 1929 г. жесткую критику со стороны ОкрОНО и была разобрана. В 1930 г. началась полная реорганизация музея. Перестройка экспозиции затянулась на годы. В первой половине 30-х гг. омские музейщики безуспешно пытались создать экспозицию на основе комплексного показа музейных предметов. Лишь в 1941 г. удалось составить подробный и логически выверенный экспозиционный план, в основе которого лежали «марксистские» методологические принципы. Однако экспозиция получилась неоригинальной, именно омских подлинных материалов демонстрировалось немного. Установлено, что к деятель-

ности по охране памятников Омска музей вернулся только в конце 1930-х гг., сориентировавшись преимущественно на советские мемориальные объекты.

Второй параграф «Томский краеведческий музей: судьба репрезентаций «томской старины»» освещает деятельность этого учреждения, начавшего работу с посетителями после Гражданской войны. Особыми факторами развития данного музея стали своеобразная атмосфера Томска как центра университетского образования и церковной культуры, а также творческая роль незаурядных людей, принявших участие в деятельности этого учреждения на этапе его оформления (М. Б. Шатилов, А. М. Мягков, А. Л. Шиловский и др.). Подчеркивается и то, что на томских примерах отчетливо заметна роль политических репрессий 1930-х гг. в истории сибирских музеев.

В 1920 г. в условиях разрухи художник и архитектор А. Л. Шиловский инициировал успешный проект по изучению архитектуры старого Томска. Параллельно начался процесс активного формирования коллекций, тематически связанных с «томской стариной», а также этнографических и археологических. В экспозиции середины 20-х гг. существовал специфичный для Томска отдел, который в отчетной документации был назван «Стариной Томского края» и «Старым городом».

В диссертации также описана безуспешная борьба директора музея М. Б. Шатилова за сохранение в Томске памятных мест, связанных с памятью о старце Федоре Кузьмиче. К началу 1930-х гг. томские музейные работники стали постепенно утрачивать прежнюю свободу творческой инициативы. После увольнения М. Б. Шатилова и обследования музея инспектором научных учреждений Западно-Сибирского краевого отдела народного образования (1932 г.) началась радикальная переработка экспозиции, с которой томичи, по нашему мнению, так и не справились к 1941 г. В конце 30-х гг. они неотступно шли по пути унификации экспозиции, полностью отказавшись от оригинальных репрезентаций «томской старины» и занявшись преимущественно крайне политизированной темой «Киров в Томске».

В третьем параграфе «Новосибирский краеведческий музей: история на службе государственной идеологии» сообщается, что его создание и быстрое развитие было обусловлено статусом Новосибирска как «столицы» региона. Именно этот музей стал полем для деятельности авантюрных дилетантов, имевших лишь поверхностное представление о науке экспонирования артефактов и амбиции больших начальников.

До середины 20-х гг. музей не имел исторического отдела экспозиции. Только в 1928 г. был поднят вопрос о необходимости начала изучения истории Новосибирска. Соответствующую программу разработала Е. Н. Орлова. К концу 1920-х гг. новосибирский музей стал центром координации исследовательской работы других музеев региона. Но на рубеже десятилетий новосибирский музей, как и другие музеи региона, ждала кризисная полоса, связанная с неудачным экспериментированием в области построения экспозиции. В конце 1933 г. был все-таки открыт историко-революционный отдел, где ярко высвечивалась политическая тематика,

гиперболизировалась историческая роль И. В. Сталина и совершенно игнорировались история экономического развития региона, быта и культуры Сибири.

Лишь перед войной музей занялся учетом и охраной военно-революционных памятников, была открыта временная выставка по истории Новосибирска, началась работа над обновлением исторической части экспозиции, раскрывавшей общие этапы национальной истории, на фоне которых демонстрировались некоторые региональные сибирские материалы. В январе 1941 г. основной научной задачей стало наконец-то изучение истории Новосибирской области. Однако развитию этих инициатив помешала война.

В четвертом параграфе «Барнаульский краеведческий музей: незаметное существование» приводятся сведения об активном формировании коллекций в начале 1920-х гг. Экспозиция в это время строилась еще на старых методологических принципах, которые позже осуждались как «кунсткамерные». По данным за 1925–1926 гг., экспозиция не содержала собственно исторического отдела, а «исторических» вещей в музее насчитывалось меньше всего. Однако имелся небольшой военно-революционный отдел, который еще не пропитался советским официозом. При этом, по нашему мнению, работа Барнаульского музея над исследованием истории революционных памятных мест велась эффективнее, чем в Омске.

История музея в Барнауле первой половины 1930-х гг. в источниках представлена невнятно. Можно судить лишь об активной выставочной деятельности, продиктованной требованием усиления массово-идеологической работы. В 1940 г. открыли отдел истории, где были представлены этнографические экспонаты, повествующие о жизни этнических алтайцев в прошлом. Однако очевидно, что экспозиция раскрывала лишь историю Горного Алтая. Поэтому исторический отдел экспозиции Барнаульского музея существовал на этом этапе в отрыве от локального компонента коллективной памяти жителей города и его сельской округи.

В канун Великой Отечественной войны сотрудники музея работали над военно-революционным отделом. Но экспозиционный план выглядит парадоксальным, поскольку в начале документа говорится о намерении демонстрировать краеведческие материалы в контексте процессов, характерных для страны в целом, но в плане фактически отсутствуют пункты, непосредственно связанные с историей Алтая.

В «Заключении» в более развернутом виде, чем в разделе «Введения», содержащем положения, выносимые на защиту, подводятся итоги решения всех задач диссертационного исследования. Излагаются также авторские рекомендации и перспективы дальнейшей разработки темы. Во-первых, в дальнейшем могут быть существенно расширены территориальные и хронологические рамки исследования; разработанный автором методологический алгоритм может быть применен для изучения аналогичных сюжетов на примерах других регионов. Во-вторых, более тщательного изучения заслуживает история тех городских коммемораций, которые не были отнесены автором диссертации к

числу основных (топонимы, памятники выдающимся людям и их юбилеи, архитектурные сооружения, мемориальные доски и др.).

СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ АВТОРОМ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи в ведущих рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК

1. *Красильникова, Е. И.* Проблемы репрезентации коллективной памяти о прошлом в музейной экспозиции Государственного Западно-Сибирского краеведческого музея (1920-е – первая половина 1941 г.) / Е. И. Красильникова // Вестник Новосибирского государственного университета : сер. «История, филология». – 2009. – Т. 8, вып. 1 : история. – С. 155–160.

2. *Красильникова, Е. И.* Публикации историков о кладбищах городов – административных центров Западной Сибири / Е. И. Красильникова // Гуманитарные науки в Сибири. – 2011. – № 2. – С. 89–92.

3. *Красильникова, Е. И.* Кладбища Томска как места памяти жителей города (конец 1919 – первая половина 1941 г.) / Е. И. Красильникова // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 10 (363). – С. 115–122.

4. *Красильникова, Е. И.* Коммеморативный аспект Октябрьских торжеств в западно-сибирских городах 1920-х гг. / Е. И. Красильникова // Гуманитарные науки в Сибири. – 2012. – № 3. – С. 68–71.

5. *Красильникова, Е. И.* Исторический некрополь Барнаула : преемственность традиций и политика памяти советской власти (конец 1919 – начало 1941 г.) / Е. И. Красильникова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики. – 2013. – № 1. – С. 109–112.

6. *Красильникова, Е. И.* Октябрьские торжества в городах Западной Сибири 1930-х гг.: коммеморативный аспект / Е. И. Красильникова // Гуманитарные науки в Сибири. – 2013. – № 1. – С. 49–52.

7. *Красильникова, Е. И.* Прощание жителей городов Западной Сибири с В. И. Лениным (январь 1924 г.): истоки и идеологическое значение ритуала / Е. И. Красильникова, А. В. Черныш // Известия Юго-Западного государственного университета : сер. «История и право». – 2013. – № 4. – С. 112–116.

8. *Красильникова, Е. И.* Из истории Омского краеведческого музея : юбилейная выставка к столетию со дня гибели А. С. Пушкина (1937 г.) / Е. И. Красильникова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. – Т. 2, № 1 (57). – С. 22–26.

9. *Красильникова, Е. И.* Исторический некрополь Новосибирска : преемственность традиций и политика памяти советской власти (конец 1919 – начало 1941 г.) / Е. И. Красильникова // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 380. – С. 80–91.

10. *Красильникова, Е. И.* Казачье кладбище в Омске : преемственность традиций и советская политика памяти (конец 1919 – начало 1941 г.) / Е. И. Красильникова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. – Т. 1, № 4 (60). – С. 44–49.

11. *Красильникова, Е. И.* Коммеморативное значение массовых похорон жертв Гражданской войны в губернских городах Западной Сибири / Е. И. Красильникова // Гуманитарные науки в Сибири. – 2014. – № 2. – С. 71–75.

12. *Красильникова, Е. И.* «Народная скорбь» : массовые коммеморации в городах Западной Сибири, приуроченные к похоронам и поминовению С. М. Кирова, В. В. Куйбышева, Г. К. Орджоникидзе (30-е гг. XX в.) / Е. И. Красильникова // Вестник Омского университета. – 2014. – № 1 (71). – С. 48–55.

13. *Красильникова, Е. И.* Проблемы репрезентации исторического прошлого в экспозиции Омского краеведческого музея (1929 – первая половина 1941 г.) / Е. И. Красильникова // Вестник Пермского университета : сер. «История». – 2014. – Вып. 4 (27). – С. 51–59.

14. *Красильникова, Е. И.* Прощание с В. И. Лениным и дни памяти вождя в административных центрах Западной Сибири (1924–1941 гг.): коммеморативные практики / Е. И. Красильникова // Вестник Новосибирского государственного университета : сер. «История, филология». – 2014. – Т. 13, № 1 : история. – С. 67–76.

15. *Красильникова, Е. И.* Создание мемориалов на братских могилах «жертв колчаковщины» в Новосибирске и Томске: политический заказ и диалог с традицией (1920–1930-е гг.) / Е. И. Красильникова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. – Т. 2, № 2 (57). – С. 48–53.

16. *Красильникова, Е. И.* Мемориализация С. М. Кирова в Западной Сибири (1934 – первая половина 1941 г.) / Е. И. Красильникова // Вестник Томского государственного университета : сер. «История». – 2015. – № 4 (36). – С. 21–28.

Монографии

17. Визуальные образы прошлого: новые стратегии использования в образовательной и исследовательской практике : коллект. моногр. / под ред. В. А. Зверева, О. М. Хлытиной. – Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2014. – Гл. 2.2 : Жертвы «колчаковщины» и «кулацкого мятежа» : визуальные репрезентации героической смерти и похорон на этапе окончания Гражданской войны / Е. И. Красильникова. – С. 123–136; Гл. 2.3 : Жизнь и смерть в семейной фотографии : к интерпретации городских фотоисточников 1920–1930-х гг. / В. А. Зверев, Е. И. Красильникова. – С. 136–148.

18. *Красильникова, Е. И.* Помнить нельзя забыть? : Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.) : моногр. / Е. И. Красильникова. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2015. – 572 с.

Статьи в иных научных изданиях

19. *Косякова, Е. И.* [*Красильникова, Е. И.*] Мемориальный сквер павших в годы Гражданской войны как место памяти горожан в 20–30-х гг. XX в. / Е. И. Кра-

сильникова // Уральские Бирюковские чтения : сб. науч. и науч.-попул. ст. / под ред. С. С. Занребина. – Челябинск : Изд-во М. Волковой, 2008. – Вып. 5, ч. 2. – С. 309–315.

20. *Косякова, Е. И. [Красильникова, Е. И.] Места памяти в крупных административных центрах Западной Сибири (1920–1930-е гг.): перспективы изучения / Е. И. Красильникова // История идей и история общества : материалы VI Всерос. конф. / отв. ред. В. Н. Ерохин. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2008. – Ч. 1. – С. 73–77.*

21. *Косякова, Е. И. [Красильникова, Е. И.] «На кладбище скрыты могилы...» : о разрушении Воскресенского погоста в Новониколаевске // Пишем времена и случаи : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. В. А. Зверева. – Новосибирск : НГПУ, 2008. – С. 129–135.*

22. *Косякова, Е. И. [Красильникова, Е. И.] Божья нива / Е. И. Косякова // Новосибирский некрополь / редкол.: С. В. Бондаренко, М. Н. Щукин [и др.]. – Новосибирск: Изд. дом «Сиб. горница», 2009. – С. 12–150.*

23. *Косякова Е. И. [Красильникова, Е. И.] Забытая «божья нива» : из истории старинных новосибирских кладбищ и похорон / Е. И. Красильникова // Сибирский исторический журнал, 2008/2009. – Тюмень : Тюмен. гос. ун-т, 2009. – С. 101–110.*

24. *Красильникова, Е. И. Особенности репрезентации исторического прошлого в музейных экспозициях Томска и Новосибирска 1920-х гг. / Е. И. Красильникова // Сибиряки: региональное сообщество в историческом и образовательном пространстве : сб. науч. тр. / отв. ред. Н. Н. Родигина. – Новосибирск : НГПУ, 2009. – С. 83–89.*

25. *Красильникова, Е. И. Места памяти в городах – административных центрах Западной Сибири в праздничных коммеморациях первой половины 1920-х гг. (по материалам местной прессы) / Е. И. Красильникова // Человек в истории российской повседневности: история и современность : сб. материалов III Междунар. конф. – Пенза : ПГСХА, 2010. – С. 113–117.*

26. *Красильникова, Е. И. Места памяти и коммеморации в Барнауле 1920-х гг. / Е. И. Красильникова // Сибархиву – 90 лет : сб. материалов Межрегион. конф. / отв. ред. В. Д. Попов. – Новосибирск : Новосиб. акад. водн. транспорта, 2010. – С. 71–77.*

27. *Красильникова, Е. И. Некрополистика в России и первый новосибирский некрополь / Е. И. Красильникова // Образы России, ее регионов в историческом и образовательном пространстве : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / под ред. В. А. Зверева. – Новосибирск : НГПУ, 2010. – С. 80–85.*

28. *Красильникова, Е. И. Особенности репрезентации исторического прошлого в экспозиции Омского музея в 1920-е гг. / Е. И. Красильникова // Вопросы музеологии. – 2011. – № 2 (4). – С. 91–103.*

29. *Красильникова, Е. И. Похороны как аспект городской повседневности жителей крупных административных центров Западной Сибири (по материалам местных газет первой половины 1920-х гг.) / Е. И. Красильникова // Социальная*

история : ежегод., 2010 / под ред. Н. Л. Пушкарёвой. – СПб. : Алетейя, 2011. – С. 223–250.

30. *Красильникова, Е. И.* Старец Федор Кузьмич в исторической памяти жителей Томска 1920-х гг. / Е. И. Красильникова // Образование в истории, история в образовании : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием «Интеграция исторического и образовательного пространства» / под ред. В. А. Зверева. – Новосибирск : НГПУ, 2011. – С. 103–113.

31. *Красильникова, Е. И.* Старинные городские кладбища и похороны в отражении устных воспоминаний (на примере Новосибирска предвоенных лет) / Е. И. Красильникова // Воспоминания и дневники как историко-психологический источник : материалы XXXIX Междунар. конф. / под ред. С. Н. Полторака. – СПб. : Полторак, 2011. – С. 128–132.

32. *Красильникова, Е. И.* Создание в городах Западной Сибири памятников, посвященных юбилеям событий истории Дома Романовых (конец XIX – начало XX в.) / Е. И. Красильникова // Тобольск научный – 2012 : материалы IX Всерос. конф. с междунар. участием. – Тюмень : Тюмен. изд. дом, 2012. – С. 347–351.

33. *Красильникова, Е. И.* Городские похороны в Новониколаевске – Новосибирске как разновидность коммеморативных практик (по материалам газеты «Советская Сибирь» 20–30-х гг. XX в.) / Е. И. Красильникова // Труды Тобольской комплексной научной станции УрО РАН : темат. сб. науч. тр. – Тобольск : ТКНС УрО РАН, 2013. – Вып. 3 : ист. науки / отв. ред. А. И. Татарникова. – С. 108–116.

34. *Красильникова, Е. И.* Городские похороны в Омске как разновидность коммеморативных практик в отражении местных ежедневных газет (1921 – первая половина 1941 г.) / Е. И. Красильникова // Восток – Запад: проблемы взаимодействия: исторический, политический, социальный и религиозный аспекты : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. К. Б. Умбрашко. – Новосибирск : НГПУ, 2013. – Ч. 2. – С. 82–92.

35. *Красильникова, Е. И.* Государственные праздники 1920–1930-х гг. : советская политика памяти и рецепция торжеств (на материалах западно-сибирских городов) / Е. И. Красильникова // Социальные коммуникации и эволюция обществ : сб. ст. IV Междунар. конф. / под ред. И. А. Вальдмана. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2013. – С. 89–96.

36. *Красильникова, Е. И.* Памятник, которого не было : к проблеме мемориализации жертв борьбы с «колчаковщиной» / Е. И. Красильникова // Славянские диалоги на границе Европы и Азии : историческая память: арена войны «национальных историй» или основа для диалога и взаимопонимания : сб. материалов Междунар. конф. / редкол. : Ю. С. Кирьяков [и др.]. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2013. – С. 71–74.

37. *Красильникова, Е. И.* Празднование годовщин Первой русской революции в городах Западной Сибири (1920–1930-е гг.) / Е. И. Красильникова // Историческая память: диалог культур : сб. материалов Междунар. молодеж.

науч. школы / редкол. : О. Н. Коршунова [и др.]. – Казань : Изд-во КНИТУ, 2013. – Т. 2. – С. 115–125.

38. *Красильникова, Е. И.* Репрезентация исторического прошлого в экспозиции Барнаульского краеведческого музея (20–30-е гг. XX в.) / Е. И. Красильникова // Седьмые Всероссийские краеведческие чтения / отв. ред. В. Ф. Козлов. – М.: Краеведение, 2013. – С. 597–606.

39. *Красильникова Е. И.* Томский краеведческий музей как место памяти жителей города (1920 – первая половина 1941 г.) / Е. И. Красильникова // Вопросы музеологии. – 2013. – № 1. – С. 60–72.

40. *Красильникова, Е. И.* Вспоминая жестокие бои : коммеморативный аспект официальных праздничных торжеств, посвященных освобождению городов Западной Сибири от режима А. В. Колчака (20–30-е гг. XX в.) / Е. И. Красильникова // Боевое братство славян на защите мира : материалы III Междунар. конф. / гл. ред. С. А. Пивоварчик. – Гродно : ГрГУ им. Я. Купалы, 2014. – С. 47–50.

41. *Красильникова, Е. И.* Исторический некрополь западно-сибирского города: опыт реконструкции и потенциал использования в сфере культурно-образовательного туризма / Е. И. Красильникова // Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе : сб. науч. ст. / гл. ред. М. А. Можейко. – Гродно : ГрГУ им. Я. Купалы, 2014. – С. 285–291.

42. *Красильникова, Е. И.* К биографии выдающегося омского музейщика и краеведа Ф. В. Мелехина / Е. И. Красильникова // Вторые Ядринцевские чтения : материалы II Всерос. конф., посвящ. 100-летию начала Первой мировой войны / под ред. П. П. Вибе. – Омск : Изд-во ОГИК музея, 2014. – С. 194–196.

43. *Красильникова, Е. И.* Проблемы формирования революционного некрополя в городах – административных центрах Западной Сибири (1920–1930-е гг.) / Е. И. Красильникова // Тобольск научный – 2014 : материалы XI Всерос. конф. с междунар. участием. – Тобольск : Принт-Экспресс, 2014. – С. 176–180.

44. *Красильникова, Е. И.* Участие музеев Томска в увековечивании памяти о С. М. Кирове (1934 – первая половина 1941 г.) / Е. И. Красильникова // История и историография России и Сибири в исследовательском и образовательном контекстах : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. В. А. Зверева, К. Б. Умбрашко. – Новосибирск : НГПУ, 2014. – С. 159–165.

45. *Красильникова, Е. И.* Деятельность музеев, направленная на охрану до-революционных памятников истории и культуры в городах Западной Сибири (1920 – первая половина 1941 г.) / Е. И. Красильникова // История и культура на стыке эпох и цивилизаций : историко-культурное наследие как ресурс и результат развития общества : материалы Междунар. конф. / гл. ред. : И. И. Калачёва [и др.]. – Минск : Белнаучкнига, 2015. – С. 36–40.

46. *Красильникова, Е. И.* Деятельность музеев, направленная на охрану памятников в городах Западной Сибири (1920 – первая половина 1941 г.) / Е. И. Красильникова // Вопросы музеологии. – 2015. – № 1. – С. 65–75.

47. *Красильникова, Е. И.* Из истории омского некрополя : Шепелевское кладбище (конец XIX – начало XX в.) / Е. И. Красильникова // Провинциальные научные записки. – 2015. – № 1. – С. 98–101.

48. *Красильникова, Е. И.* Кино в «Октябрьские дни» : репертуар кинотеатров западно-сибирских городов в контексте политики памяти (1920–1930-е гг.) / Е. И. Красильникова // «В надежде славы и добра...» : исторический факультет НГПУ в образовательном, исследовательском и социокультурном пространстве России : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. В. А. Зверева. – Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2015. – С. 223–229.

49. *Красильникова, Е. И.* Неопубликованные мемуары 1920–1930-х гг. как источник изучения процессов формирования коллективной памяти о военно-революционных событиях в Западной Сибири / Е. И. Красильникова // Сибирские архивы в научном и информационном пространстве современного общества : материалы Межрегион. конф., посвящ. 95-летию архивной службы Сибири / отв. ред. К. В. Захаров. – Новосибирск : [б. и.], 2015. – С. 45–51.

50. *Красильникова, Е. И.* Пляски на костях : разрушение исторического некрополя Западной Сибири в памяти разных поколений / Е. И. Красильникова // Сибирские огни. – 2015. – № 9. – С. 174–184.

51. *Красильникова, Е. И.* Революция, память, беспамятство : годовщины Великого Октября в Западной Сибири в 1920–1930-х гг. / Е. И. Красильникова // Сибирские огни. – 2016. – № 2. – С. 154–174.

Подписано в печать 28.03.2016 г. Формат 60×84/16.
Печать цифровая. Тираж 100 экз. Уч.-изд. л. 2,5. Усл. печ. л. 2,15.
Заказ №

ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный
технический университет»
630073, г. Новосибирск, пр-т К. Маркса, 20
Отпечатано: ФГБОУ ВО «НГТУ»
Тел.: (383) 346-08-43, www.nstu.ru